

§1 ОБЩИНЫ И ЗЕМЛЯЧЕСТВА

Фалалеева И. Н.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫКАМИ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЗЕМЛИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ*

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам управления «внутренними» окраинами Российской империи с точки зрения учета этнического фактора. В предлагаемой работе анализируются различия в правовом статусе калмыков Астраханской губернии и Земли войска Донского. На примере компаративного анализа нормативно-правовых актов XIX века ставятся задачи выявить влияние существенных (хозяйственных, культурных, экономических) факторов на правовое оформление порядка управления этническими сообществами Волго-Донского региона, а также уточнить методы управления и обнаружить разницу в их применении к Волго-Донским сообществам. Методологией исследования является принцип историзма. В качестве методов исследования применяются сравнительно-правовой, историко-культурный, ситуационный (конкретно-исторический), метод критического анализа источников, а также историографической критики. В итоге проведенного анализа уточняются законодательные способы влияния на процесс оседания калмыков, приближения их правового статуса к статусу сельского обывателя либо казака как военнослужащего. Одним из таких способов была символическая смена названий административных управленческих единиц при постепенном вытеснении институциональных особенностей военно-родовой организации кочевников. Автор приходит к выводу, что правовая политика в отношении внутренних окраин Российской империи не носила финализированного характера. Стратегические задачи по унификации управления Калмыцкой степью решались не прямолинейно, а лишь опосредованно, через сочетание мер по приобщению калмыков к оседлому образу ведения хозяйства и православию.*

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № : 14–13–34010 «Этнокультурная правосубъектность народов Волго-Донского региона в исторической ретроспективе (XIX — XX века)».

Споры по выработке как тактических, так и стратегических мер наглядно свидетельствуют о том, что акторов взаимодействий, определяющих выбор путей реформ, всегда было больше двух.

Ключевые слова: попечительство, полиюридизм, номадизм, калмыки, казаки, инородцы, государственное управление, бузаавы, правовая политика, этносубъектность.

Проблема управления «внутренними» окраинами Российской империи привлекает к себе внимание не одного поколения правоведов и историков. Но сегодня бросается в глаза полярность оценок ряда управленческих реформ с точки зрения так называемой «имперской» и «национальной» историографии¹. По этому поводу уместно сослаться на А. Миллера, хорошо обосновавшего целесообразность ситуационного подхода к теме нашего исследования: данный метод «предполагает отказ от концентрации на каком-то одном акторе, что так характерно как для историков национальных движений, так и традиционного централистского подхода к политике имперских властей... Именно логика ситуационного подхода не только сохраняет в поле внимания историка центральные органы империи, но и позволяет уйти от упрощенной схемы таких взаимодействий, как «пьесы для двух актеров»². Что касается управления инородческими областями³, то Калмыцкая степь представляет собой особый интерес. Он состоит в том, что этно-сословное деление калмыков-казаков и калмыков-кочевников Астраханской степи нашло отражение в моделях управления разделенными частями единого этноса. На данном примере ставится задача

уточнить методы управления и обнаружить разницу в их применении к Волго-Донским сообществам.

Для цели нашего исследования представляется необходимым сделать теоретическое отступление. Влияние этнического фактора на управление исследуется сегодня с различных сторон. Например, Ж. Кадио полагает, что национальная идентификация к XX веку формируется в результате подготовки к все-российской переписи 1897 года как новый институт, замещающий прежнюю конфессионально-сословную идентификацию. Национальность, по её мнению, была институционализирована в сфере избирательных практик после Манифеста 17 октября 1905 года, когда провозглашение свободы совести и гражданского равноправия стало угрозой всей сословной иерархии⁴. Но, по нашему мнению, это далеко не новый, а традиционный идентификатор. При изменении исторической ситуации, его востребованность резко возрастает. На это обращается внимание в новейшей историко-правовой литературе⁵. Критикуется также общепринятое заблуждение относительно того, что в Российской империи не практиковалась территориализация этничности⁶. Начиная с периода контрреформ и подготовки к переписи 1897 г. этнические категории активно подключаются к сословным, без них не мыслится отождествление. Подобное случалось

¹ См.: Свечникова А. Г. Правовая политика Российской империи в национальных окраинах // Институты государства и права в их историческом развитии: сборник науч. статей к 60-летию В. А. Томсинова. М. «Зерцало». 2012. С. 182–200.

² Миллер А. И. 2006. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение. С. 28–31.

³ О «политкорректности» официального правового термина «инородец» см. подробнее: Фалалеева И. Н. Культурная и правовая субъектность этноса: историко-теоретическое соотношение понятий в XIX в. // Lex Russica. 2014. № 9. С. 1031–1042.

⁴ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860–1940 / Пер. с фр. Э. Кустовой. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 80–81.

⁵ Воропанов В. А. Осуществление юрисдикционных функций в башкирском сословии в первой половине XIX века // История государства и права. 2014. № 16. С. 3–7.

⁶ Сталюнас Д. Территориализация этничности в Российской империи? Случай Августовской/Сувальской губернии // Ab imperio. 2011. № 3. — С. 145–166.

и до XIX века. Исследователи отмечают, что этнические и сословные характеристики как индивидов, так и групп взаимопереплетались. Нередко этносам, вновь включенным в «имперское тело», по воле законодателя присваивался статус сословия¹. Более того, при подготовке очередной переписи населения в 1910-е годы был поставлен вопрос о включении в нее сословного критерия. Сохраняя категорию «сословие», подразумевали культурно-бытовой аспект, тем самым сближая понятия этноса и сословия. Последнее рассматривалось как «социальная группа, определяемая на основе своей культуры и стиля жизни»². Таким образом, национальность не превращалась в новый инструмент государственного управления, она являлась таковой с момента возникновения империи. Актуализация этнической идентичности была неизбежна в ситуации социально-экономического кризиса и слома иных, веками формировавшихся институций (идентификаций), таких как сословие и профессиональная принадлежность.

Возвращаясь к непосредственному анализу проблем управления калмыками, следует отметить единогласие имперской и калмыцкой национальной историографии в оценке первой половины XIX века как времени, когда Калмыкия теряет автономию (происходит упразднение наместничества, установление приставства, а затем — попечительной системы). Тем не менее, нельзя не заметить некоторые факты, свидетельствующие о неоднозначности вышеописанного процесса. Например, отсутствие налога в пользу государства — уже особенная привилегия, законодательно ставящая калмыков выше иных кочевых инородцев, в частности, сибирских. По Уставу 1822 г. только категория бродячих инородцев освобождалась от выплаты ясака

государству и управлялась через своих тайшей. Прикаспийская периферия была всё же ближе к Центру, чем Сибирская и в исследуемом регионе правовая политика была чётче нацелена на унификацию системы управления при сохранении привилегий знати. В управлении калмыков Правила 1825 г. учреждают административные органы по подобию общероссийской губернской системы. По § 1 Гл. I Правил 1825 г. Калмыкия становится внутренней областью в составе Астраханской губернии, подчиненной Министерству внутренних дел³.

Но, уже Положение об управлении калмыцким народом от 24 ноября 1834 г. в § 1 Гл. I учреждает особое управление, отличное от губернского, а в § 2 и в § 125 законодательно закрепляет традиционную административно-территориальную структуру из семи улусов, которые делятся на аймаки и хотоны⁴. Помимо замены системы приставов на попечительную, указанный нормативно-правовой акт также закрепляет за калмыками ряд особых прав: § 150 устанавливает право улусных сходов для совещаний по делам общественной надобности и для выбора в общественные должности; § 159 гарантирует улусные тяжбы по древним обычаям; § 177 — судопроизводство на калмыцком языке; § 224 запрещает селиться на землях калмыков «всем, не принадлежащим к калмыцкому народу людям»; § 251 закрепляет пятилетнюю льготу от повинностей, отправляемых казаками для калмыков, записавшихся в казачье ведомство. Что касается признания монархией правового плюрализма, то для астраханских калмыков он закреплялся в § 100 Положения: «Суд Зарго в делах уголовных руководствовался Российскими законами, в тяжёлых же древними калмыцкими постановлениями». Улус

¹ Карнишина Н. Г. Национальные окраины Российской империи в середине XIX — начале XX вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 2 (18). — С. 28.

² Там же.

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е (1649–1825). В 45 тт. СПб., 1830. Т. XL. № 30290.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2-е (1825–1881). В 55 т. СПб., 1834. Т. X. Прибавление к Т. IX. № 7560а.

надеялся гражданско-правовой и административной правосубъектностью, которая осуществлялась в том числе и через судебные разбирательства по обычаям предков. Представительство отцов семейств на сходе с 1847 г. — не только право, но и обязанность, сопряженная с фискальной функцией родовой организации.

По Положению 1834 г. устанавливалась конкретная сумма денежного налога на содержание улусного правления. Это незначительная (примерно одна двадцатая) часть от албана, который албату — калмыки-простолюдины уплачивали нойонам и зайсангам, а не государству. Для сравнения, § 220 расписывает установленный в § 218 денежный сбор в 28 рублей 50 копеек ассигнациями следующим образом: «2 рубля в пользу зайсангов, управляющих аймаками, ... не более 25-ти рублей с кибитки в доход владельца-нойона, один рубль, 50 копеек с кибитки на содержание Калмыцкого управления и школ». Именно указанное обстоятельство — оставление права сбора албана с подвластных в обмен на лояльность, позволяет квалифицировать эту модель управления как косвенную. Она также характеризуется тем, что правительство, ее использующее, нередко актуализирует (даже реанимирует) старые родовые институты в целях оптимизации управления. Это было характерно в равной степени для колонизаторов и Африки и Сибири¹. Что касается такого древнего квазиправового института, как круговая порука, то не только у инородцев, но и у казаков и у крестьян он продолжал оставаться опорой правоприменителя на протяжении всего XIX века.

¹ См. подробнее: Ломакина И. Б. Особенности субъектного состава обычно-правовых отношений в этнической среде: на примере коренных народов Сибири // Правоведение. 2005. № 3. — С. 144–150. Об укреплении статусной иерархии у аборигенов см. также: Шаблей П. Подданство в Азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация // Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 99–122.

Следует заметить, что поиск методов управления, адекватных времени, шел с учётом мнений всех участников процесса. Это были не только государство (в лице своих высших чиновников) и этническая элита, но и собственно калмыцкий народ, а также государственные деятели, ориентированные на «научный подход к госменеджменту». Так, Комиссия Калмыцких дел, состоявшая из нойонов и зайсангов, по понятным причинам не делала различий между русскими помещиками и калмыцкими владельцами, отвечая ревизору сенатору Энгелю на вопрос о том, каковы должны быть отношения между подвластными калмыками и их владельцами. Вместе с тем, позиция калмыцкой знати критиковалась председателем Комиссии Осиповым, который доказал «посредством исторических справок», что между владельцами и помещиками нельзя проводить параллели и что простые калмыки только состоят во власти нойонов, но не являются их крепостными². Как полагает О. Н. Абеева, именно мнение Осипова способствовало тому, что в Положении 1834 г. была введена статья, запрещающая владельцам улусов, аймаков, хотонов, продавать, отдавать в заклад и дарить калмыков, которые названы уже не «собственными», а «подвластными» своих владельцев³. С другой стороны, исследователи единодушны во мнении, что данное Положение приблизило сословную систему калмыков к общероссийской, четко означив сословные соответствия по чинам. Но, уже в 1838 г., Калмыкия из Министерства вну-

² цит. по Абеевой О. Н. С. 69: Национальный архив Республики Калмыкия Ф. Р. — 145. Оп. 1. Д. 376. Лл. 2 об. — 3.

³ Абеева О. Н. Социально-экономическая политика в отношении кочевников Прикаспия XIX веке // Диалог культур народов России: отечественный опыт и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Волгоград, 15–16 октября 2012) / Под ред. В. Н. Игнатова, Ю. Д. Гражданова, О. А. Васильева. — Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. — 232 с. — С. 67–76.

тренних дел передается в ведение Министерства государственных имуществ. Считалось, что это поспособствует привитию калмыкам оседлого образа жизни и поможет облегчить управление. Таким образом, проявляется двойственное положение калмыков: с одной стороны, они приравниваются к государственным крестьянам, с другой — налог и повинности исполняют только по отношению к своей этнической элите как частновладельческие.

Следующий правовой акт, Положение об управлении калмыцким народом от 23 апреля 1847 г.¹, призван был регулировать процесс оседания калмыков (в нём содержался специальный раздел о землевладении) и приобщение их к православию. Калмыкам была гарантирована возможность традиционного ламаистского вероисповедания, но для желающих перейти в православие провозглашались льготы: переход в категорию государственных крестьян и право свободного поселения на казенных землях. При этом устанавливался размер денежной помощи как новокрещеным, так и компенсация их прежним владельцам (гл. III, п. 32–38). С процессом христианизации был тесно связан и вопрос перевода калмыков на оседлый образ жизни. По мнению местных (национальных) исследователей, правительство допускало ошибку, требуя от калмыков перехода от традиционного кочевого хозяйствования к оседлому занятию скотоводством и земледелием и напрасно стремилось поселить их вместе с русскими крестьянами². Тем не менее, компетенция органов самоуправления у калмыков в пореформенный период была приравнена к полномочиям структур управления сельскими обывателями. Суд Зарго, некогда значительный орган не только судебной, но и административной власти у калмыков, превратился в одну из низших ступеней российской судебной системы.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXII. № 21144.

² Абеева О. Н. Указ. соч., с. 72.

К концу XIX в. русская администрация пришла к выводу, что земледелие в Калмыцкой степи не получило должного развития, так как мешала феодальная зависимость калмыков от местных феодалов, а также захват богачами лучших земель для кочевий³. Упразднение отношений зависимости от родовой верхушки запоздало здесь на тридцать лет и нашло выражение в Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета «Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа» в 1892 г.⁴. Отмена албана по преимуществу трактуется в литературе как крестьянская реформа. Многие юристы-современники реформы, в частности, Н. М. Коркунов, также называют реформу 16 марта 1892 г. отменой крепостного права⁵. Из современных исследователей, например, Н. П. Леджинова не согласна с С. Ю. Деевым⁶ в том, что крепостнические отношения отсутствовали в калмыцком обществе. Это, по её мнению, ставит под сомнение целесообразность проведения и значение реформы 1892 г.⁷. Думается, тут есть ошибка в восприятии сути реформы, а, следовательно, и в её историографическом наименовании. Калмыки не были крестьянами-земледельцами. Кочевой хозяйственно-культурный тип цивилизации требует иных, более адекватных категорий для описания смысла реформы, но для номадов Российской империи

³ Команджаев А. Н., Андропов А. Н. Развитие сельского хозяйства в Калмыкии во второй половине XIX века // Вестник Калмыцкого Университета. 2013. № 1 (17). — С. 58.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. XII № 8429.

⁵ Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1909 Т. 1. Изд. 6-е. — С. 361.

⁶ Деев С. Ю. Административные реформы в национальных окраинах Российской империи в конце XIX — начале XX вв.: на материалах Калмыкии. — Автореф. на соискание уч. степ. к.и.н. Элиста, 2004.

⁷ Леджинова Н. П. Реформа 1892 года в Калмыкии: Отмена личной зависимости калмыков-простолудинов от нойонов и зайсангов. — Автореф. на соискание уч. степ. к.и.н. Элиста, 2005, с.23.

XIX века, коими являлись калмыки Волго-Донских степей, такие понятия не разрабатывались доктриной. Очевидно, действовала особая оптика субъекта управления, где в центре ценностной системы координат находился земледельческий хозяйственно-культурный тип. Как и кавказские и сибирские инородцы, калмыки априори попадали в «отсталые, нецивилизованные» народы, которые нуждались в опеке и аккультурации, понимаемой часто как русификация. Но проблема не только в русификации как методе¹. В пореформенный период новая конфигурация имперских отношений с местными, неземледельческими сообществами потребовала пересмотра прежних методов управления и новых знаний о них. Коневодство, как традиционное занятие калмыков, являлось важнейшим аргументом в пользу их особого положения, так как оно во многом обеспечивало транспортные и военные потребности России. Номадизм как хозяйственный тип и сегодня представляет собой весьма сложную и рациональную систему скотоводства, приспособленную к условиям засушливой зоны. Современные ученые выделяют определенные закономерности кочевой экономики. Это, прежде всего, такой образ жизни номадов, который обеспечивал бы природосохраняющее функционирование экономики в аридных зонах. Такое возможно только при регулярной смене летних и зимних пастбищ, т.е. при дисперсной и мобильной организации системы хозяйства. Представительские и юридические функции осуществлялись главой семьи — отцом. При этом каждый член семьи имел свои права на определенную долю семейного имущества, и прежде всего на скот². Без скота земля те-

ряла свою стоимость, как для земледельца — необработанный надел. Следовало также учитывать, что для эффективного скотоводства земель в аридной зоне нужно значительно больше, чем для земледелия.

С. Ю. Деев объясняет причины столь длительной подготовки реформы 1892 г. загруженностью власти реализацией реформ 60-х годов в центральных регионах. Вместе с тем, из его исследования ясно, что инициаторам проектов не хватало знаний об особенностях кочевнического типа культуры. Определение у калмыков основной административной единицы вызывало серьезные разногласия: одна комиссия предлагала в качестве таковой аймак (управлялся одним владельцем), другая — хотон (единицу совместного кочевания), третья — зимнее стойбище (несколько хотонов)³. Также и споры реформаторов о порядке взимания налога с калмыков не сразу закончились подтверждением прежнего порядка: налог устанавливался не подушный, а как прежде — с кибитки, т.е. сохранялся аналог подворного налога, что для кочевого скотоводческого хозяйства являлось наиболее оптимальным.

Что касается Донских калмыков, то в 1801–1806 годах они окончательно были переведены на положение казаков. Таким образом, на них распространялись все права и обязанности казачьего сословия: несение воинской службы на особых началах, освобождение от государственных налогов, владение большим количеством земли. Самоназвание «бузаавы» — «поставленные под ружьё», отражает суть показачивания⁴. От всей численности калмыков, донских в разное время было 10–15%. Первоначально названия сотен

¹ См. подробнее: Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение. 2006. С. 55–67.

² Саханова К. Б. Кочевой хозяйственный тип в Казахстане // Вестник КазГУ. Серия экономическая. Алматы, 1998, № 9. URL: <http://lib.kazsu.kz/Vestnik/Econom/year98/N9/15.htm> Проверено 20.08.14.

³ Деев С. Ю. Административные реформы в национальных окраинах Российской империи в конце XIX — начале XX вв.: на материалах Калмыкии. — Автореф. на соискание уч. степ. к.и.н. Элиста, 2004. С. 193.

⁴ Толкование этнонима дал Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII — XIX века). Элиста: Союз казаков Калмыкии. Калмыцкий институт общественных наук. 1992. — С. 75.

прямо отражали этнический состав донских калмыков. Положение об управлении Донского войска от 26 мая 1835 г. регламентировало учреждение особого Калмыцкого правления¹. Все административные должности в составе Калмыцкого правления носили выборный характер. Для казаков-калмыков устанавливалось общественное землепользование в форме казачьей общины — юрта². Калмыцкое кочевье по § 179 территориально было разделено на три округа (улуса), которые делились на сотни (аймаки) и на отдельные кочевья — хотоны. Положение в § 643–648 подробно расписывает порядок суда для калмыков бузаавов, перечисляются деяния, являющиеся преступлениями или только проступками, для уточнения, по каким составам суд может основываться «единственно на обычаях калмыцкого народа». Более того, § 683, гласящий, что «Атаман и судьи не должны сами без утверждения Общества на сборе определять кому-либо наказание» можно рассматривать как гарантию применения обычного права к казакам-калмыкам. Новое административное устройство вводило должности двух пятидесятников (станичных судей по § 181) и сотника, который по § 713 имел власть станичного атамана на пространстве своей сотни. Приказной ставился над хотоном «по примеру приказных» в казачьих хуторах, а улус находился в непосредственном ведении пристава Калмыцкого правления. По § 186 все должностные лица в сотнях и хотонах избирались казаками-калмыками на три года. Таким образом, управление бузаавами вписывалось в военно-административную систему Войска.

Следует согласиться с К. П. Шовуновым в том, что введение в действие Положения 1835 г. имело для донских калмыков

положительные последствия. Они получили собственное управление, максимально приближенное к их быту, обычаям, хозяйственному укладу; территория была совершенно обособленной от оседлых станичных юртов, причем настолько обширной, что на каждую мужскую душу приходился надел более ста десятин удобной земли; был образован специальный фонд из войсковых денежных сумм для помощи обедневшим семьям; калмыки получили возможность обучать своих детей любых войсковых школах на общих основаниях и т.д.³. По мнению исследователей, более высокие темпы роста численности калмыков-казаков, чем у основной части этноса, связаны с тем, что местные власти учитывали их привычку к номадизму и селили их компактными группами. Более того, калмыкам-бузаавам была гарантирована свобода национального вероисповедания. Тринадцать хурулов — ламаистских храмов в каждой из тринадцати сотен — это своеобразный акт символической маркировки пространства калмыцкого этноса в пределах Земли войска Донского (с 1870 г. — Области войска Донского). Но, наряду с проводимой политикой веротерпимости, Российская империя, исходя из позиции православного патернализма, Положением 1847 г. для астраханских калмыков, и нормативными актами, адресованными калмыкам-казакам, вводило ряд льгот и гарантий для желающих принять православие.

С 1876 г., когда на Дону стали создаваться земства, в Калмыцком округе также избирались гласные по одному от каждого улуса. Кроме того, в земское собрание Первого Донского округа войсковой наказной атаман назначал одного представителя «для защиты интересов калмыцкого населения»⁴. В рамках земской реформы у бузаавов вво-

¹ ПСЗРИ. Собр.2-е. Т.Х. № 8163.

² Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII — XIX века). Элиста: Союз казаков Калмыкии. Калмыцкий институт общественных наук. 1992. — С.81.

³ Там же, с. 83.

⁴ Цит. по Шовунову К. П. С. 94: ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д.1517. Лл. 15, 16–17 и об., 73–74.

дится станичное правление взамен сотенного. Этнические сотенные названия уступают место привычным казачьему уху наименованиям станиц по фамилиям прославленных атаманов. При этом, по Положению Военного совета от 2 июля 1877 г., из тринадцати сотен образовано всего семь станиц¹. В результате реорганизации Калмыцкого округа и переселения на изъятые земли более десяти тысяч крестьян, экстенсивное скотоводство калмыков было серьезно подорвано: потеря пастбищ составила 60% от прежних, дореформенных наделов. С 1884 г. образуется Восьмой Сальский округ Области войска Донского, часть земель в нём отводится для калмыцкого конезаводства. Интересно, что синхронно с реформой об отмене албана 1892 г. у астраханских калмыков, бузаавы подпадают под действие Положения об общественном управлении станиц Донского войска. Положение предоставляло политические, экономические и социальные права всем казакам-домохозяевам, включая бузаавов², тогда как астраханские калмыки-простолюдины после 1892 г. были приравнены по юридическому статусу к сельским обывателям, т.е. получили личные права, но в порядке управления иных изменений у них не произошло.

Тем не менее, сходства в управлении разделенным народом обнаруживается больше, чем различий. Сходство очевидно в правовой политике империи по отношению к инородцам: наблюдается допущение, и даже поощрение полиюридизма и веротерпимости в обоих случаях. Такой подход серьезно разгружал коронную судебную систему и попутно удовлетворял требованиям этнического идеала справедливо-

сти. Вместе с тем, особый топос мышления управленцев провоцировал форсирование мер по переводу номадов к оседлым формам хозяйства. Различия сводятся к тому, что в Области войска Донского, при учете этнической специфики, на первое место выходят профессиональные черты калмыков-казачков: для империи они, прежде всего, воины. Традиционная управленческая иерархия калмыков — Улус — аймак — хотон — закономерно вытесняется казачьими поселенческими структурами. На символическом уровне это проявляется сменой названий административных управленческих единиц при постепенном вытеснении институциональных особенностей военно-родовой организации кочевников. Введение станичного правления следует рассматривать как понуждение к оседанию, стационарному ведению скотоводства: Задача корректировки хозяйственно-культурного типа и перехода к новому экономическому этапу развития осуществлялась посредством изменения административного деления и уменьшения земельных паёв рядовых калмыков в пользу крупных скотопромышленников и конезаводчиков.

Подводя итоги, следует резюмировать, что правовая политика в отношении внутренних окраин Российской империи не носила финализированного характера. Стратегические задачи по унификации управления Калмыцкой степью решались не прямолинейно, а лишь опосредованно, через сочетание мер по приобщению калмыков к оседлому образу ведения хозяйства и православию. Споры по выработке как тактических, так и стратегических мер наглядно свидетельствуют о том, что акторов взаимодействий, определяющих выбор путей реформ, всегда было больше двух: это не только имперские чиновники и калмыцкая знать, но и отдельные представители народа, а также эксперты, доказывающие необходимость учета специфики кочевого хозяйственно-культурного типа.

¹ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XIII. Ч.1. С 1 янв. по 1 июля 1877 г. Издание главного управления иррегулярных войск. СПб. 1877. — С.182.

² Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XXVII. За 1891 г. СПб., 1892. С. 58–102.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абеева О. Н. Социально-экономическая политика в отношении кочевников Прикаспия XIX веке // Диалог культур народов России: отечественный опыт и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Волгоград, 15–16 октября 2012) / Под ред. В. Н. Игнатова, Ю. Д. Гражданова, О. А. Васильева. — Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. — 232 с. — С. 67–76.
2. Воропанов В. А. Осуществление юрисдикционных функций в башкирском сословии в первой половине XIX века // История государства и права. 2014. № 16. С. 3–7.
3. Деев С. Ю. Административные реформы в национальных окраинах Российской империи в конце XIX–начале XX вв.: на материалах Калмыкии. — Автореф. на соискание к. и. н. Элиста, 2004.
4. Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860–1940 / Пер. с фр. Э. Кустовой. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 336 с.
5. Карнишина Н. Г. Национальные окраины Российской империи в середине XIX — начале XX вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 2 (18). — С. 22–28.
6. Команджаев А. Н., Андропов А. Н. Развитие сельского хозяйства в Калмыкии во второй половине XIX века // Вестник Калмыцкого Университета. 2013. № 1 (17). — С. 56–63.
7. Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1909 Т. 1. Изд. 6-е.
8. Леджинова Н. П. Реформа 1892 года в Калмыкии: Отмена личной зависимости калмыков-простолюдинов от нойонов и зайсангов. — Автореф. на соискание к. и. н. Элиста, 2005. с. 23.
9. Ломакина И. Б. Особенности субъектного состава обычно-правовых отношений в этнической среде: на примере коренных народов Сибири // Правоведение. 2005. № 3. — С. 144–150.
10. Миллер А. И. 2006. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 248 с.
11. Саханова К. Б. Кочевой хозяйственный тип в Казахстане // Вестник КазГУ. Серия экономическая. Алматы, 1998, № 9. URL: <http://lib.kazsu.kz/Vestnik/Econom/year98/N9/15.htm>. Проверено 20.08.14.
12. Свечникова Л. Г. Правовая политика Российской империи в национальных окраинах // Институты государства и права в их историческом развитии: сборник науч. статей к 60-летию В. А. Томсинова. М. «Зерцало». 2012. — 400 с. — С. 182–200.
13. Сталюнас Д. Территориализация этничности в Российской империи? Случай Августовской/Сувалкской губернии // Ab imperio. 2011. № 3. — С. 145–166.
14. Фалалеева И. Н. Культурная и правовая субъектность этноса: историко-теоретическое соотношение понятий в XIX в. // Lex Russica. 2014. № 9. — С. 1031–1042.
15. Шаблей П. Подданство в Азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация // Вестник Евразии. 2008. № 3. — С. 99–122.
16. Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII — XIX века). Элиста: Союз казаков Калмыкии. Калмыцкий институт общественных наук. 1992. — 320 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Abeeva O. N. Sotsial'no-ekonomicheskaya politika v otnoshenii kochevnikov Prikaspiya XIX veke // Dialog kul'tur narodov Rossii: otechestvennyi опыт i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Volgograd, 15–16 oktyabrya 2012) / Pod red. V. N. Ignatova, Yu. D. Grazhdanova, O. A. Vasil'eva. — Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2013. — 232 s. — S. 67–76.

2. Voropanov V. A. Osushchestvlenie yurisdiktsionnykh funktsii v bashkirskom soslovii v pervoi polovine XIX veka // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2014. № 16. S. 3–7.
3. Deev S. Yu. Administrativnye reformy v natsional'nykh okrainakh Rossiiskoi imperii v kontse XIX-nachale XX vv.: na materialakh Kalmykii. — Avtoref. na soiskanie k.i.n. Elista, 2004.
4. Kadio Zh. *Laboratoriya imperii: Rossiya/SSSR. 1860–1940 / Per. s fr. E. Kustovoi.* — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. — 336 s.
5. Karnishina N. G. Natsional'nye okrainy Rossiiskoi imperii v seredine KhIKh — nachale KhKh vv. // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 2011. № 2 (18). — S. 22–28.
6. Komandzhaev A. N., Andropov A. N. Razvitie sel'skogo khozyaistva v Kalmykii vo vtoroi polovine XIX veka // *Vestnik Kalmytskogo Universiteta*. 2013. № 1 (17). — S. 56–63.
7. Korkunov N. M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo*. SPb., 1909 T.1. Izd. 6-e.
8. Ledzhinova N. P. Reforma 1892 goda v Kalmykii: Otmena lichnoi zavisimosti kalmykov-prostolyudinov ot noionov i zaisangov. — Avtoref. na soiskanie k.i.n. Elista, 2005. s.23.
9. Lomakina I. B. Osobennosti sub'ektnogo sostava obychno-pravovykh otnoshenii v etnicheskoj srede: na primere korennykh narodov Sibiri // *Pravovedenie*. 2005. № 3. — S. 144–150.
10. Miller A. I. 2006. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 248 s.
11. Sakhanova K. B. Kochevoi khozyaistvennyi tip v Kazakhstane // *Vestnik KazGU. Seriya ekonomicheskaya*. Almaty, 1998, № 9. URL: <http://lib.kazsu.kz/Vestnik/Econom/year98/N9/15.htm>. Provereno 20.08.14.
12. Svechnikova L. G. Pravovaya politika Rossiiskoi imperii v natsional'nykh okrainakh // *Instituty gosudarstva i prava v ikh istoricheskom razvitii: sbornik nauch. statei k 60-letiyu V. A. Tomsinova*. M. «Zertsalo». 2012. — 400s. — S. 182–200.
13. Stalyunas D. Territorializatsiya etnichnosti v Rossiiskoi imperii? Sluchai Avgustovskoi/Suvalkskoi gubernii // *Ab imperio*. 2011. № 3. — S. 145–166.
14. Falaleeva I. N. Kul'turnaya i pravovaya sub'ektnost' etnosa: istoriko-teoreticheskoe sootnoshenie ponyatii v XIX v. // *Lex Russica*. 2014. № 9. — S.1031–1042.
15. Shablei P. Poddanstvo v Aziatskoi Rossii: istoricheskii smysl i politiko-pravovaya kontseptualizatsiya // *Vestnik Evrazii*. 2008. № 3. — S. 99–122.
16. Shovunov K. P. *Kalmyki v sostave rossiiskogo kazachestva (vtoraya polovina XVII — XIX veka)*. Elista: Soyuz kazakov Kalmykii. Kalmytskii institut obshchestvennykh nauk. 1992. — 320 s.